

УДК 165 + 177.7 + 304 + 316.7 + 81.37

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-2-22-30

Научная статья
Scientific article

Дата: поступления статьи: 16.04.2021
после рецензирования: 17.06.2021
принятия статьи: 28.06.2021

А.Е. Сериков

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aeserikov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4213-8089>

Обобщенное описание и референциальное значение типичных детских ситуаций, аналогичных жертвоприношению

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы о том, в чём состоит реальность типичных детских ситуаций, аналогичных жертвоприношению, а также чем отличаются наименования и описания типов поведения от самих этих типов как таковых. Описание лексических значений на семантическом метаязыке и описание типичных языковых и других культурных форм на основе прототипов не противоречат друг другу, так как решают разные задачи. Соответственно, обобщенные описания типичных детских ситуаций, аналогичных жертвоприношению, — это сконструированные на метаязыке на основе интуитивного понимания сходства лексические значения кратких наименований типичных ситуаций, существующие в качестве артефактов анализа текстов, а сами аналогичные жертвоприношению типичные ситуации и формы детского поведения — это реально существующие объективные формы поведенческих ситуаций и биологические, культурные и социальные предрасположенности к определённым типичным формам поведения.

Ключевые слова: культура, общество, жертвоприношение, формы поведения, типичные ситуации, семантика, значение, метаязык, реальность.

Цитирование: Сериков А.Е. Обобщенное описание и референциальное значение типичных детских ситуаций, аналогичных жертвоприношению // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 2. С. 22–30. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-22-30>.

Благодарности: автор выражает благодарность РФФИ за финансовую поддержку в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 19 011 00872 «Философская антропология жертвы: сакрализация, управление, дизайн».

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сериков А.Е., 2021 – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

A.E. Serikov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: aeserikov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4213-8089>

Generalized description and referential meaning of typical childlike situations comparable to sacrifice

Abstract: the article discusses the issues regarding the essence of what the reality referring to typical childlike situations similar to sacrifice, and the ways the names and descriptions of behavior types differ from these types as per se. The description of lexical meanings via the semantic metalanguage and the description of typical linguistic and other cultural forms based on prototypes do not contradict each other, since they solve different problems. Consequently, generic descriptions of typical childlike situations comparable to sacrifice are lexical meanings of the short names of typical situations, constructed in metalanguage on the basis of an intuitive understanding of their similarity, existing as artefacts of text analysis, while the typical situations and forms of childlike behavior comparable to sacrifice are real-life objective forms of behavioral situations and biological, cultural and social predispositions to certain typical forms of behavior.

Key words: culture, society, sacrifice, patterns of behavior, typical situations, semantics, meaning, metalanguage, reality.

Citation: Serikov, A.E. (2021), Generalized description and referential meaning of typical childlike situations comparable to sacrifice, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 2, pp. 22–30, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-22-30>.

Acknowledgments: the author gratefully acknowledges the support of the Russian Foundation for Basic Research under Grant No. 19 011 00872 «Philosophical Anthropology of Victim: Sacralization, Management, Design».

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Serikov A.E., 2021 – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Philosophy Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение. Проблема реальности типов поведения

Современная дискуссия о реальности типичного – это новое воплощение старого спора об универсалиях. Основной вопрос заключается в том, являются ли описываемые наукой типы объективными свойствами нашего мира, реально существующими независимо от научных исследований, или они – просто артефакты, возникающие вследствие применения некоторого исследовательского метода. Дэвид Дойч так формулирует данную проблему применительно к математическим объектам: «Подлинный вопрос состоит в следующем: как мы должны понимать такие сущности? Какие из них являются всего лишь удобными словесными конструкциями, ссылающимися, в конечном счете, лишь на обычную физическую реальность? Какие из них – всего лишь преходящие особенности нашей культуры?» (Дойч 2018, с. 370).

На фоне математических истин и законов природы культурные типы кажутся Дойчу эфемерными и тривиальными, но применительно к ним можно задать все те же вопросы: как понимать их реальность, существуют ли они независимо от нас, не являются ли они просто словесными конструкциями? Ниже я хочу рассмотреть данную проблему применительно к культурным и поведенческим типам, имеющим отношение к жертвоприношению.

Возьмём такой часто описываемый тип поведения, как заместительная (смещённая, переадресованная, перенаправленная) агрессия. Рене Жирар формулирует свою основную гипотезу о сущности жертвоприношения, прямо ссылаясь на Конрада Лоренца:

«Неутолённое насилие ищет и в итоге всегда находит заместительную жертву <...> Лоренц в "Агрессии" говорит о виде рыб, которые, если их лишить обычного противника, то есть самцов того же вида, с которыми они конкурируют за контроль над определенной территорией, непременно обращают свои агрессивные тенденции против собственной семьи и в итоге ее уничтожают.

Имеет смысл спросить, не основано ли ритуальное жертвоприношение на замещении того же типа, но в обратном направлении» (Жирар 2000, с. 8).

Дмитрий Анатольевич Жуков приводит такие примеры переадресованной агрессии: «Переадресованное поведение может выражаться и в ударе кулаком по столу, и во враждебном отношении к тем, кто только косвенно причастен к вреду или оскорблению, нанесённому субъекту, и во внешне немотивированных враждебных актах по отношению к случайным людям» (Жуков 2014, с. 231). Роберт Сапольски пишет, что агрессия может быть связана с указанием «на кого-то послабее, на кого можно перенести агрессию в случае испуга, подавленности, боли. <...> Когда увеличивается безработица, тут же подскакивает число случаев домашнего насилия» (Сапольски 2020, с. 223).

Эти цитаты показывают, что, несмотря на существующую сегодня критику некоторых идей классических этологов, реальность смещённой агрессии в качестве типа поведения принимается современными исследователями как что-то само собой разумеющееся. Очевидность сходства между приводимыми выше примерами – от поведения рыбок до поведения человека – мало кем оспаривается. Биологи могут оспорить выдвинутую Лоренцом гидравлическую модель накопления агрессии, антропологи могут не согласиться с Жираром, что основная функция жертвоприношения – это перенаправление агрессии, но никто не сомневается в самом по себе сходстве и типичности сравниваемых форм поведения.

Мне эти примеры тоже кажутся сходными и типичными, но я вижу здесь повод задуматься над рядом вопросов. В чём состоит реальность этого типа поведения, так похожего на принесение жертвы отпущения? В чём состоит реальность других типов поведения и типичных ситуаций, аналогичных жертвоприношению, таких как типичное детское испытание? Почему сходство некоторых ситуаций и форм поведения кажется настолько очевидным, что их без каких-либо сомнений хочется отнести к одному типу? Что такое сходство вообще? Чем детерминировано поведе-

ние, соответствующее тому или иному типу? А также чем отличаются наименования и описания типов поведенческих ситуаций и форм поведения от самих этих типов как таковых?

Самоочевидность и изначальность сходства

Рассмотрим два рассказа о поведении детей, которые мне кажутся совершенно очевидно похожими друг на друга. Их сходство и реалистичность просто поражает, и всякий читатель понимает: это правда, так и бывает с ребёнком, оказавшимся в подобной ситуации. Даже ничего не зная о типах и не задумываясь об их существовании, читатель бессознательно отнесёт эти две истории к одному типу.

Я привожу эти рассказы с моей разбивкой на фрагменты, соответствующие отдельным последовательным ситуациям, что будет разъяснено ниже.

Первая история – это рассказ Н.Н. Носова «Леденец». Он начинается с того, что мама уходит из дома и велит сыну Мише не шалить и ничего не трогать, за что обещает дать леденец, когда вернётся. Сначала Миша ничего не трогал, но его всё больше и больше влекло именно то, что запрещено:

«//Потом он только подставил к буфету стул, залез на него и открыл у буфета дверцы. Стоит и смотрит в буфет, а сам думает:

"Я ведь ничего не трогаю, только смотрю".

// А в буфете стояла сахарница. Он взял её и поставил на стол.

"Я только посмотрю, а ничего трогать не буду", – думает.

// Открыл крышку, видит – там что-то красное сверху.

– Э, – говорит Миша, – да это ведь леденец! Наверно, как раз тот самый, который мне обещала мама.

// Он запустил в сахарницу руку и вытащил леденец.

– Ого, – говорит, – большущий! И сладкий, должно быть.

// Миша лизнул его и думает:

"Пососу немножко и положу обратно".

// И стал сосать. // Пососёт, пососёт и посмотрит, много ли ещё осталось. И всё ему кажется – много. Наконец леденец стал совсем маленький, со спичку. // Тогда Мишенька положил его обратно в сахарницу. // Стоит, пальцы облизывает, смотрит на леденец, а сам думает:

"Съем я его совсем. Всё равно мне мама отдаст. Ведь я хорошо себя веду, не шалю и ничего такого не делаю"

// Миша достал леденец, сунул в рот, // а сахарницу хотел на место поставить. Взял её, а она прилипла к рукам – и бух на пол. Разбилась на две половинки. Сахар рассыпался.

// Мишенька испугался:

"Что теперь мама скажет?"

// Взял он две половинки и прислонил друг к дружке. Они ничего, держатся.

Даже незаметно, что сахарница разбита. Он сложил сахар обратно, накрыл крышкой и осторожно поставил в буфет» (Носов 1988).

Вторая история – воспоминания Андрея Макаревича о том, как в детстве он нашёл спрятанную мамой большую плитку иностранного шоколада:

«Как кот, я перевёл дух, понюхал шоколадину чрез обёртку и нашёл в себе силы положить её на место, решив, что хватит мне и владения этой тайной – мама не знает, что я знаю, какое у нас спрятано сокровище. // Пару раз я этот клад со вздохом навещал, // а потом по телевизору показали фильм "Повесть о настоящем человеке". Мересьев полз по заснеженному лесу с перебитыми ногами, и плитка шоколада из боевого запаса практически спасала ему жизнь.

// Фильм произвёл впечатление. Все последующие дни, оставаясь дома один, я играл в Мересьева. Я ползал по квартире и какое бы ни выбирал направление – неизбежно утыкался в шкаф с заветным шоколадом. // Поскольку к этому моменту я уже детально изучил плитку снаружи и знал, что обёртка довольно плотная, я решил однажды, что если её развернуть аккуратно, отломить один квадратик и снова завернуть, не помяв – видно не будет.

// К тому же правила игры в Мересьева просто требовали есть шоколад. // Я развернул, отломил, завернул – видно не было.

// Дни летели незаметно, игра в Мересьева, подкреплённая заморским шоколадом, не кончалась, и опомнился я примерно через месяц, когда плитка вдруг оказалась вся пустая внутри. // Обмерев, я положил пустоту в обёртке на место» (Детский мир 2015, с. 278).

Можно попытаться проанализировать, почему эти истории кажутся похожими, найдя в них общие свойства, структурные элементы: ребёнок дома один; находит спрятанную сладость; знает, что есть её нельзя; находит оправдания, чтобы её только попробовать; постепенно съедает её всю; прячет следы своего преступления. Обе ситуации можно обобщённо охарактеризовать как ситуации испытания ребёнка соблазном, перед которым он не смог устоять и не прошёл испытание. В контексте жертвоприношения эти испытания можно рассматривать как аналогичные будущим более серьёзным тестам и инициациям, которые нужно научиться проходить успешно, чтобы не стать жертвой.

Но, во-первых, сам этот поиск осуществлялся вследствие совершенно очевидной уверенности в том, что истории похожи и типичны. Во-вторых, схожесть структурных элементов в конечном счё-

те основана лишь на интуитивной уверенности в том, что эти элементы похожи, а также на интуитивном понимании того, что значит быть похожим. Что значит быть похожим? Ну, например, вот это: один ребёнок находит спрятанный леденец, другой ребёнок находит спрятанную шоколадку. В данном случае сходство конкретных примеров интуитивно понятно, и уже на нём основано истолкование идеи сходства и идеи типа как множества сходных предметов. Сходство объясняет многое другое, но само объяснения не требует. Как пишет Людвиг Витгенштейн, «объяснения где-то наступает конец» (Витгенштейн 1994, с. 81). Он наступает в том смысле, что вместо них появляется привычка: «Обучение языку в этом случае состоит не в объяснении, а в тренировке» (Витгенштейн 1994, с. 82).

Узнавание сходства также может существовать как врождённая предрасположенность. Лучший пример врождённой способности человека распознавать сходство – это умение распознавать улыбку как улыбку. Даже такой известный критик универсальности эмоций и их выражений, как Анна Вежбицкая, признаёт основу улыбки – уголки рта приподняты вверх – в качестве универсального выражения универсального состояния «я сейчас чувствую что-то хорошее» (Wierzbicka 1999, р. 190). Что же касается понятия сходства, Вежбицкая пришла к выводу, что оно является культурной универсалией и семантическим примитивом, для которого в каждом человеческом языке существует лексическое воплощение. Это понятие, выражаемое словами «подобный/как» на русском (Вежбицкая 1996, с. 331), «like» на английском, «como» на испанском, «masam» на малайском (Wierzbicka 1999, р. 36–38), входит в список семантических примитивов в его последней редакции и является элементом «естественного семантического метаязыка», на котором Вежбицкая описывает значения лексических единиц всех человеческих языков.

Физиологической основой способности распознавания сходства разных улыбок, а также различных других базовых движений и положений тела могут быть зеркальные нейроны. Когда человек совершает некоторое движение, зеркальные нейроны другого человека реагируют точно так же, как если бы это было его собственное движение. Новорожденный ребёнок высовывает язык, когда видит, как это делает мать. «Улыбка ребёнка, отражающая улыбку матери, появляется немного позднее, но, опять-таки, она не может быть основана на обучении, поскольку младенец не может видеть своего собственного лица. Это свойство мы должны считать врождённым» (Рамачандран 2014, с. 151).

Итак, когда я вижу улыбку другого человека, мои зеркальные нейроны предположительно реа-

гируют так же, как когда я улыбаюсь сам. И так они реагируют на улыбку любого человека, т.е. распознают улыбки разных людей как похожие и принадлежащие к одному типу выражений лица. И подобное универсальное интуитивное понимание сходства может быть основой для формирования более сложных привычек распознавания сходства, специфических для различных культур и языков.

Другой пример врожденной предрасположенности к восприятию сходства – субитация, т.е. врождённая способность к распознаванию дискретных объектов и элементарным арифметическим операциям с ними, на существование которой опираются в своём исследовании основ математики Джордж Лакофф и Рафаэль Нуньес (Lakoff and Núñez 2000, р. 15). Например, два человека похожи на два дерева, два камня, два удара в барабан, и это сходство способны распознавать новорожденные дети, поскольку обладают врожденным пониманием числа два, а значит, и врожденным пониманием сходства.

Проблема злоупотребления прототипами и различие между Sinn и Bedeutung по Фреге

Вежбицкая поднимает вопрос о том, что ссылка на прототипы иногда является формой ухода исследователя от точности описания. Она не против теории прототипов как таковой, но против злоупотребления ею в тех случаях, когда понятие прототипа «используется в качестве волшебного ключа для отпирания любых дверей без малейших усилий, есть опасность, что оно принесет больше вреда, чем пользы» (Вежбицкая 1996, с. 224).

Поскольку теория прототипов во многом является развитием идеи Витгенштейна о семейном сходстве, Вежбицкая критикует идею семейного сходства и конкретно тезис Витгенштейна о том, что игру нельзя определить путём указания на общие свойства всех игр. Используя разработанный ею семантический метаязык, она определяет значение слова «игры» следующим образом:

«ИГРЫ

- а) многое, что делают люди
- б) люди делают это в течение долгого времени
- в) люди делают это ради удовольствия (т. е. они хотят испытать какие-то хорошие чувства)
- г) когда они делают это, они хотят, чтобы что-то произошло
- д) если бы они не делали это, они бы не хотели, чтобы что-то произошло
- е) когда они делают это, они должны знать, что им можно делать
- ж) когда они делают это, они должны знать, чего им нельзя делать
- з) прежде чем люди делают это, кто-то должен им сказать это» (Вежбицкая 1996, с. 214).

Я хочу занять в этом споре сторону Витгенштейна: в приведенном определении Вежбицкой

удалось охарактеризовать общие свойства далеко не всех игр. Например, в настольные игры не обязательно играть в течение долгого времени, в настольные и спортивные игры играют не только ради удовольствия, но также ради денег или установления социальных контактов, и иногда вопреки тому, что игра вызывает отвращение, и т. п. Это как раз то, что имел в виду Витгенштейн. Но это всего лишь один из аспектов более существенной проблемы, состоящей в том, что Вежбицкая, с одной стороны, и опирающиеся на идеи позднего Витгенштейна представители когнитивистики, с другой стороны, не слышат друг друга, так как говорят на языках разных научных парадигм.

Описывать лексические значения можно на основе метаязыка Вежбицкой или на основе одного из вариантов теории прототипов – вероятностной точки зрения Элеоноры Рош (Rosch 1978), (Rosch et al. 1976), экземплярной точки зрения Эдварда Смита и Дугласа Медина (Smith and Medin 1981, 2002), представления Лоуренса Барсалу об ad hoc категориях (Barsalou 2010) и его теории ситуативной симуляции (Barsalou 2003), когнитивной теории категоризации Лакоффа (Лакофф 2004). Но дело не столько в том, какой из этих подходов дает более «истинные» результаты, сколько в том, какую цель и вытекающие из неё задачи ставят перед собой исследователи.

Основной целью большинства исследований Вежбицкой было получение строгих и точных семантических формулировок лексических единиц различных языков, выраженных на «естественном семантическом метаязыке». Интересно, что Вежбицкая называет свой метаязык естественным. Она имеет в виду, что его элементами являются категории естественных языков, которые естественным образом являются универсальными семантическими примитивами. Но, несмотря на это, метаязык Вежбицкой не является естественным. Во-первых, список примитивов не просто естественно существует, но является результатом научных эмпирических исследований. Во-вторых, в данном языке используется определённый синтаксис, который также является результатом исследовательского отбора из некоторого количества возможных вариантов.

Что же касается представителей прототипического подхода, их исследовательский интерес и цели несколько иные. Например, Лакофф с соавторами ставят перед собой цель описать механизмы формирования повседневных и, в случае с математикой, научных категорий, которые могут быть неточны и группироваться вокруг плохо определённых прототипов, но при этом соотносятся с реальными свойствами культуры. Речь здесь идёт не о том, что исследователи позволяют себе быть неточными, а о строгом описании неточных оснований объективно существующих понятий и идей.

И здесь мы возвращаемся к классическому различению Готлоба Фреге между *Bedeutung* (значением, денотатом, референтом) и *Sinn* (смыслом, определением, лексическим значением). Дело в том, что основным результатом исследований Вежбицкой являются описания лексических значений, сконструированные на специальном метаязыке, которые однозначны и универсальны, но при этом являются *артефактами применения научного метода*. А Лакофф и другие когнитивисты, работающие с теорией прототипов, описывают не столько лексические значения, сколько их денотаты (референциальные значения), то есть предположительно *существующие независимо от научных исследований типичные формы языка и культуры*.

Обобщённые описания ситуаций

Ранее я предложил метод ситуативного анализа нарративов (Сериков 2018), согласно которому текст непрерывно разбивается на сегменты, содержащие *необобщённые описания* отдельных поведенческих ситуаций. Далее на основании анализа каждого такого сегмента для каждой описанной в нём ситуации даётся *обобщённое описание нулевого уровня*, характеризующее социальный статус персонажа, его психофизиологическое состояние, обстоятельства и форму его поведения. Описание делается, по возможности, теми же словами, что были использованы автором в изначальном тексте, с минимальными обобщениями, такими как замена имени персонажа на его социальный статус. На следующем этапе похожие обобщённые описания нулевого уровня обобщаются с помощью обобщённых описаний первого уровня. Понятие сходства в данном случае не формализуется, исходя из его семантической первичности и интуитивной очевидности. Далее похожие описания первого уровня обобщаются в *обобщённых описаниях второго уровня*, похожие описания второго уровня обобщаются в *обобщённых описаниях третьего уровня* и т. д. Хотя обобщённые описания, по существу, делаются на метаязыке, он не конструируется предварительно. Для этих описаний берутся максимально близкие по стилю к обобщаемым словам и словосочетаниям слова естественного языка. Например, «мальчик» и «девочка» могут обобщаться как «ребёнок», а «леденец» и «шоколад» – как «сладости».

В качестве примера приведу обобщённые описания, сделанные на основе процитированных выше отрывков из рассказов про леденец и шоколад. Отрывок первого рассказа, записанный в виде последовательных обобщённых описаний первого уровня, выглядит следующим образом:

Мальчик, которому запрещено что-либо трогать в буфете, рассматривает содержимое буфета, оправдывая себя тем, что ничего не трогает, а только смотрит.

Мальчик, которому сказано ничего не трогать, берет сахарницу только для того, чтобы посмотреть, оправдывая себя тем, что смотреть – это не то же самое, что трогать.

Мальчик, которому запрещено трогать сахарницу, открывает ее крышку, заглядывает внутрь и видит там леденец.

Мальчик, любящий сладкое, достает из сахарницы запретный леденец, проговаривая вслух то, что делает.

Мальчик, доставший запретный леденец, оправдывает свое желание его попробовать тем, что пососёт его немножко и положит обратно.

Мальчик, нашедший оправдание, чтобы пососать запретный леденец, начинает его сосать.

Мальчик, начавший сосать запретный леденец, не может остановиться и останавливается только тогда, когда леденец становится совсем маленьким.

Мальчик, съевший часть запретного леденца, кладет остаток в сахарницу.

Мальчик, который хочет доесть запретный леденец, придумывает для этого оправдание, состоящее в том, что он ведёт себя хорошо и мама всё равно этот леденец отдаст ему.

Мальчик, который придумал оправдание для того, чтобы доесть запретный леденец, сунул его в рот.

Мальчик, который достал запретный леденец из сахарницы, случайно разбил её на две половинки и рассыпал сахар.

Мальчик, который разбил сахарницу, испугался, что об этом узнает мама.

Мальчик, который боится, что мама узнает о разбитой сахарнице, складывает её из обломков и осторожно ставит назад в буфет.

Отрывок второго рассказа, записанный в виде последовательных обобщённых описаний первого уровня, выглядит так:

Мальчик, нашедший спрятанную мамой шоколадку, понюхал ее и положил на место, зная, что её нельзя есть.

Мальчик, который знает, где лежит запретный шоколад, время от времени его достает и кладёт на место.

Мальчик смотрит по телевизору фильм про Мересьева, в котором шоколад спасает жизнь герою.

Мальчик, который хочет попробовать запретный шоколад, находит оправдание в виде игры в Мересьева.

Мальчик, который хочет попробовать запретный шоколад, придумал, что, если его развернуть аккуратно, отломить один квадратик и снова завернуть, это будет незаметно.

Мальчик, придумавший оправдание для того, чтобы попробовать запретный шоколад, ест маленький кусочек.

Мальчик, съевший кусочек запретного шоколада, заворачивает обертку обратно так, чтобы скрыть следы своего проступка.

Мальчик, который съел маленький кусочек запретного шоколада, постепенно съедает незаметно для себя весь шоколад.

Мальчик, съевший запретный шоколад, кладет на место пустую обертку, чтобы скрыть следы своего проступка.

Схожие описания первого уровня из этих рассказов обобщаются следующими описаниями второго уровня: *ребёнок, знающий про спрятанную запретную сладость, достает её, чтобы на неё посмотреть; ребёнок, который хочет попробовать запретную сладость, ищет и находит для этого оправдание; ребёнок, придумавший оправдание, чтобы попробовать запретную сладость, пробует ее; ребёнок, съевший часть запретной сладости, укрывает остатки так, чтобы скрыть следы своего проступка; ребёнок, начавший по чуть-чуть есть запретную сладость, постепенно съедает ее целиком; ребёнок, съевший запретную сладость, скрывает следы своего проступка.*

Чтобы привести пример обобщённого описания третьего уровня, добавлю к анализу фрагмент рассказа Н.Н. Носова «Мишкина каша»:

« – Пстой, – говорю я. – А обед кто будет варить, если мы на реку уйдём?

– Чего там варить! – говорит Мишка. – Одна возня! Съедем весь хлеб, а на ужин сварим кашу. Кашу можно без хлеба есть» (Носов 1988).

Представленная в этом фрагменте ситуация получает следующее обобщённое описание первого уровня: *ребёнок, обещавший сварить обед, но которому лень это делать, находит для этого оправдание.* Обобщённое описание второго уровня будет следующим: *ребёнок, которому трудно сдержать обещание, находит этому оправдание.* Сравнивая это описание с одним из перечисленных выше описаний второго уровня – *ребёнок, который хочет попробовать запретную сладость, ищет и находит для этого оправдание,* – получаем следующее обобщённое описание третьего уровня: *ребёнок, который хочет нарушить правила, находит этому оправдание.*

Так же как семантические описания значения слов на метаязыке Вежбицкой являются лексическими значениями и артефактами исследования, мои описания тоже являются лексическими значениями и артефактами исследования, сконструированными на моём метаязыке. Сама же та или иная типичная поведенческая ситуация предположительно существует как объективное свойство природы, культуры или общества, относительно независимое от исследовательских инструментов и методов.

Типичные ситуации также могут получать краткие наименования. Например, тип ситуации

из рассказов про леденец и шоколад я бы назвал «ситуация соблазна». Эти наименования, конечно, также формулируются исследователем, но нельзя сказать, что они целиком им конструируются. Скорее, они выбираются из более-менее устойчивых словосочетаний, существующих в данном языке и культуре. С учётом этого семиотические отношения между кратким наименованием типичной ситуации, её обобщённым описанием и самой типичной ситуацией являются следующими: обобщённое описание типичной ситуации – это лексическое значение её краткого наименования, а сама типичная ситуация (тип ситуации) – это референциальное значение её краткого наименования.

Типичные детские ситуации, аналогичные жертвоприношению

Ранее на основе анализа детских рассказов мной были выявлены следующие типы детских ситуаций, аналогичных жертвоприношению: 1) ситуации испытания, в которые детей вовлекают взрослые; 2) ситуации испытания, в которые детей вовлекают другие дети; 3) ситуации испытания детьми самих себя вследствие влечения к запретному и страшному; 4) ситуации отбора потенциальных жертв; 5) ситуации самопожертвования; 6) ситуации принятия жертвы другого (Сериков 2021). Здесь как раз работает теория прототипов. Некоторые описания ситуаций и форм поведения являются прототипическими, т.е. легко узнаваемыми и понимаемыми носителями данной культуры. Принадлежность к типу определяется сходством с прототипами. Выше проанализированные ситуации из рассказов Н.Н. Носова «Леденец» и «Мишкина каша» попадают в тип ситуаций испытания, в которые детей вовлекают взрослые, и вполне могут рассматриваться в качестве прототипов данного типа ситуаций. А рассказ А.Макаревича про шоколад может быть понят как разновидность ситуации испытания детьми самих себя, однако при желании его можно также интерпретировать как историю испытания, в которую сына вовлекла мама, спрятавшая шоколад.

Типичные ситуации являются таковыми, поскольку периодически воспроизводятся, так как существуют биологические, культурные и социальные предрасположенности к узнаванию этих ситуаций и определённому поведению в них. То есть типичные ситуации существуют объективно, потому что объективно существуют генетические и эпигенетические, культурные и социальные коды, позволяющие распознать ситуацию и реализовать наиболее оптимальную для неё форму поведения.

Трудно однозначно сказать про каждую конкретную ситуацию, какие коды в ней доминируют. По этому поводу Сапольски пишет, что «бессмысленно выделять в поведении аспекты "биологиче-

ские" в противовес, скажем, "психологическим" или "культурным". Они теснейшим образом переплетены и взаимосвязаны» (Сапольски 2020, с. 12). Тем не менее, многие исследователи дифференцированно описывают биологическую, культурную и социальную детерминацию поведения.

Например, применительно к агрессии Уолтер Гаррисон Рансиман различает биологически вызванное поведение молодых мужчин, которое определяется биологическими реакциями тела; культурно приобретённое поведение, приобретаемое в детстве путем подражания военным героям; и социально наложенное поведение призывников, навязываемое властями и контролируемое путём стимулов и санкций (Runciman 2009, p. 8). При этом биологически детерминированная склонность к насилию очень сильно может модифицироваться на культурном уровне. Так, в известном эксперименте Дова Когена, Ричарда Нисбетта, Брайана Баудла и Норберта Шварца было показано, что от культуры и воспитания могут зависеть не только внешние поведенческие реакции на оскорбление, но и такие биологические составляющие агрессивного поведения, как уровень определенных гормонов (Cohen et al. 1996). С другой стороны, результаты исследования, проведенного Мариной Львовной Бутовской и её коллегами, демонстрируют возможную генетическую обусловленность уровня человеческой агрессии (Бутовская 2014).

Таким образом, научные исследования показывают, что существуют объективные детерминанты определённых форм агрессивного поведения, но в большинстве случаев биологические, культурные и социальные причины поведения тесно переплетаются. Очевидно, то же самое можно сказать и о других типичных формах поведения.

Заключение

Итак, обобщённые описания типичных детских ситуаций, аналогичных жертвоприношению, – это сконструированные на метаязыке на основе интуитивного понимания сходства лексические значения кратких наименований типичных ситуаций, существующие в качестве артефактов анализа текстов, а сами аналогичные жертвоприношению типичные ситуации и формы детского поведения – это реально существующие объективные формы поведенческих ситуаций и биологические, культурные и социальные предрасположенности к определённым типичным формам поведения.

Библиографический список

Barsalou L.W. Ad hoc categories // The Cambridge encyclopedia of the language sciences / Ed. by P.C. Hogan. N.Y.: Cambridge University Press, 2010. P. 87–88. URL: <http://psychology.emory.edu/cognition/>

barsalou/papers/Barsalou_entry_2010_ad_hoc_categories.pdf (дата обращения: 15.01.21).

Barsalou L.W. Situated simulation in human conceptual system // *Language and Cognitive Processes*. 2003. Vol. 18. P. 513–62. URL: http://psychology.emory.edu/cognition/barsalou/papers/Barsalou_LCP_2003_situated_simulation.pdf (дата обращения: 15.01.21).

Cohen D., Nisbett R.E., Bowdle B.F., Schwarz N. Insult, Aggression, and the Southern Culture of Honor: An "Experimental Ethnography" // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 70. No. 5. P. 945–960. URL: <http://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/92155/InsultAggressionAndTheSouthernCulture.pdf> (дата обращения: 18.01.21).

Lakoff G., Núñez R. E. Where mathematics comes from: how the embodied mind brings mathematics into being. NY: Basic Books, 2000. 492 p.

Rosch E. Principles of Categorization // *Cognition and Categorization*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48. URL: http://commonweb.unifr.ch/artsdean/pub/gestens/f/as/files/4610/9778_083247.pdf (дата обращения: 15.01.21).

Rosch E., Mervis C., Gray W.D., Johnson D., Boyes-Braem P. Basic Objects in Natural Categories // *Cognitive Psychology*. 1976. Vol. 8. P. 382–439. URL: <http://www.cns.nyu.edu/~msl/courses/2223/Readings/Rosch-CogPsych1976.pdf> (дата обращения: 15.01.21).

Runciman W. G. The Theory of Cultural and Social Selection. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Smith E.E., Medin D.L. The exemplar view // *Foundations of Cognitive Psychology: Core Readings* / Ed. by D. Levitin. MIT Press, 2002.

Smith E.E., Medin D.L. Categories and Concepts. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. URL: <http://www.cs.indiana.edu/~port/teach/sem08/Smith.Medin.1983.ch1.2.3.pdf> (дата обращения: 15.01.21).

Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals. N.Y.: Cambridge University Press; Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1999. 349 p.

Бутовская М.Л. Истоки человеческой агрессии. 24.09.2014. URL: <http://postnauka.ru/video/32641> (дата обращения 18.01.2021).

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари, 1996. 416 с.

Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. Сост., вступ. статья и примеч. М.С. Козловой. Москва: Гнозис, 1994. 612 с.

Детский мир: [рассказы] / сост. Д. Быков, А. Портнов. Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 432 с.

Дойч Д. Структура реальности: Наука параллельных вселенных / Пер. с англ.; 3-е изд. Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. 614 с.

Жирар Р. Насилие и священное / Пер. с фр. Г. Дашевского. Москва: Новое литературное обозрение, 2000. 400 с.

Жуков Д.А. Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей: в 2 т. Т.1. Москва: Альпина нон-фикшн, 2014. 428 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Носов Н.Н. Тук-тук-тук. Сборник рассказов. (Рисунки Г.И. Огородникова). Москва: Детская литература, 1988 // Электронная библиотека ЛитМир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=165629> (дата обращения: 07.03.20).

Рамачандран В.С. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми / Пер. с англ. Елены Чепель. Москва: Карьера Пресс, 2014. 422 с.

Сапольски Р. Биология добра и зла: Как наука объясняет наши поступки / Пер. с англ. Е. Наймарк, Ю. Аболиной. Москва: Альпина Нон-фикшн, 2020. 766 с.

Сериков А.Е. Интерпретация поведения персонажа художественного нарратива: разметка текста и ситуативный анализ // *История. Семиотика. Культура: сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 250-летию Фридриха Шлейермахера* / отв.ред. И.В. Демин. Самара: Сам. гуманитар. акад., 2018. С. 255–261. URL: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Istoriya-Semiotika-Kultura/Interpretaciya-povedeniya-personazha-hudozhestvennogo-narrativa-razmetka-teksta-i-situativnyi-analiz-74239/1/%d0%a1%d0%b5%d1%80%d0%b8%d0%ba%d0%be%d0%b2%20%d1%81.%20255-261.pdf> (дата обращения: 17.01.21).

Сериков А.Е. Типичные формы предрасположенности детей к принятию и принесению жертвы // *Mixtura Verborum* 2019-2020: пограничное время: сборник научных статей / под общ. ред. С.А. Лишаева. Самара: Самарама, 2021. С. 65–94.

Трава была зеленее, или Писатели о своём детстве: [сборник]. Москва: Издательство «Э», 2016. 672 с.

References

Barsalou, L.W. (2010), Ad hoc categories, *The Cambridge encyclopedia of the language sciences*, ed. by P.C. Hogan. N.Y.: Cambridge University Press, New York, pp. 87–88, [Online], available at: http://psychology.emory.edu/cognition/barsalou/papers/Barsalou_entry_2010_ad_hoc_categories.pdf (accessed 15.01.21).

- Barsalou, L.W. (2003), Situated simulation in human conceptual system, *Language and Cognitive Processes*, vol. 18, pp. 513–62, [Online], available at: http://psychology.emory.edu/cognition/barsalou/papers/Barsalou_LCP_2003_situated_simulation.pdf (accessed 15.01.21).
- Cohen, D., Nisbett, R.E., Bowdle, B.F. and Schwarz, N. (1996), Insult, Aggression, and the Southern Culture of Honor: An "Experimental Ethnography", *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 70, No. 5, pp. 945–960, [Online], available at: <http://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/92155/InsultAggressionAndTheSouthernCulture.pdf> (accessed 18.01.21).
- Lakoff, G. and Núñez, R. E. (2000), *Where mathematics comes from : how the embodied mind brings mathematics into being*, Basic Books, New York, USA.
- Rosch, E. (1978), Principles of Categorization, Rosch, E. and Lloyd, B. (eds), *Cognition and Categorization*, Lawrence Erlbaum Associates, Hillsdale, NJ, pp. 27–48, [Online], available at: http://commonweb.unifr.ch/artsdean/pub/gestens/f/as/files/4610/9778_083247.pdf (accessed 15.01.21).
- Rosch, E., Mervis, C., Gray, W.D., Johnson, D. and Boyes-Braem, P. (1976), Basic Objects in Natural Categories, *Cognitive Psychology*, vol. 8, pp. 382–439, [Online], available at: <http://www.cns.nyu.edu/~msl/courses/2223/Readings/Rosch-CogPsych1976.pdf> (accessed 15.01.21).
- Runciman, W. G. (2009), *The Theory of Cultural and Social Selection*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Smith, E.E. and Medin, D.L. (2002), The exemplar view, D.Levitin (ed.), *Foundations of Cognitive Psychology: Core Readings*, MIT Press, Cambridge, MA.
- Smith, E.E. and Medin, D.L. (1981), *Categories and Concepts*, Harvard University Press, Cambridge, MA, [Online], available at: <http://www.cs.indiana.edu/~port/teach/sem08/Smith.Medin.1983.ch1.2.3.pdf> (accessed 15.01.21).
- Wierzbicka, A. (1999), *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals*, Cambridge University Press, New York, USA.
- Butovskaya, M.L. (2014), *The origins of human aggression*, [Online], available at: <http://postnauka.ru/video/32641> (accessed 18.01.2021).
- Wierzbicka, A. (1996), *Language. Culture. Cognition*, Russkie slovari, Moscow, Russia.
- Wittgenstein, L. (1958), *Philosophical Investigations*, 2nd edition, Basil Blackwell.
- Children's world: short stories* (2015), AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi, Moscow, Russia.
- Deutsch, D. (1997), *The Fabric of Reality: The Science of Parallel Universes and Its Implications*, Penguin Books.
- Girard, R. (1977), *Violence and the Sacred*, Hopkins University Press.
- Zhukov, D.A. (2014), *Wait, who is leading? Biology of human and other animal behavior*, in 2 vol., Vol. 1, Al'pina non-fikshn, Moscow, Russia.
- Lakoff, G. (1987), *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*, University of Chicago Press.
- Nosov, N.N. (1988), *Knock-Knock. Storybook*, Detskaya literatura, Moscow, Russia, [Online], available at: <https://www.litmir.me/br/?b=165629> (accessed 07.03.20).
- Ramachandran, V.S. (2010), *The Tell-Tale Brain: A Neuroscientist's Quest for What Makes Us Human*, W.W. Norton & Company, New York.
- Sapolsky, R.M. (2017), *Behave. The Biology of Humans at Our Best and Worst*, Penguin Press.
- Serikov, A.E. (2018), Interpretation of fictional narrative character's behavior: parsing and situational analysis, *History. Semiotics. Culture: Proc. of the Int. Sci. Conf. dedicated to the 250th anniversary of Friedrich Schleiermacher*, Samara Academy of Humanities Press, Samara, pp. 255–261, [Online], available at: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Istoriya-Semiotika-Kultura/Interpretaciya-povedeniya-personazha-hudozhestvennogo-narrativa-razmetka-teksta-i-situativnyi-analiz-74239/1/%d0%a1%d0%b5%d1%80%d0%b8%d0%ba%d0%be%d0%b2%20%d1%81.%20255-261.pdf> (accessed 17.01.21).
- Serikov, A.E. (2021), Typical forms of children's disposition to accept and make sacrifice, *Mixtura Verborum' 2019-2020: Marginal time: collection of sci. articles*, Samarama, Samara, pp. 65–94.
- The grass was greener, or Writers about their childhood: collection* (2016), «E» Publ., Moscow, Russia.

Submitted: 16.04.2021

Revised: 17.06.2021

Accepted: 28.06.2021